

В.П. БЫЛКОВА

**К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ**

Исследования в области позднескифской культуры составляли важную часть научных интересов В.М. Зубаря. Хорошо известны его разработки в области общих и конкретных вопросов истории поздних скифов, но следует упомянуть и то, что новый этап в полевых исследованиях позднескифских памятников Нижнего Днепра был начат работами экспедиции «Славутич» в 1978 г. под его руководством [Зубар, Літвінова, 1982; Зубар, Храпунов, 1989]. Вклад В.М. Зубаря в изучение проблем поздних скифов уже нашел отражение в историографии, выделена его значительная роль в формировании «переходных взглядов» на позднескифскую культуру Крыма в 1980-е – 1990-е гг. [Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 84-86, 88-89, 96-98, библиография соответствующих работ В.М. Зубаря – с. 213-214]. В связи с тем, что в настоящее время большинство ученых признает хронологический разрыв между скифской и позднескифской культурами в Крыму, особую актуальность приобрела проблема формирования позднескифской культуры [Зайцев, 1995; 1999; 2003; Щеглов, 1998; Пуздровский, 1999; 1999а; 2007; Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 98-99]. Одновременно с проблемами Крымской Скифии внимание исследователей вновь привлекла Малая Скифия на Нижнем Днестре. Традиционные взгляды, сложившиеся в 1950-х – 1960-х гг. на позднескифскую культуру в этом регионе, также подвергаются критике. При этом наблюдается определенное совпадение в новом видении Малых Скифий в Крыму и на Нижнем Днестре, что выразилось в сосуществовании традиционных, переходных и новых взглядов [Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 97-99]. Особенностью современной характеристики позднескифской культуры на Нижнем Днестре можно назвать стремление совместить старую хронологию с отказом от доминирования в культуре скифских компонентов. Целью предлагаемой статьи является обращение к современным проблемам исследования Малой Скифии на Нижнем Днестре, уделяя особое внимание ранней хронологии, на которой в значительной степени базируются основные выводы относительно происхождения культуры.

Вслед за возобновлением раскопок на Любимовском городище В.М. Зубарем, в 1980-е – 1990-е гг. на Нижнем Днестре проводились работы на нескольких памятниках, обобщающая характеристика которых уже была предложена [Гаврилюк, Абикулова, 1991; Былкова, 1999; Гаврилюк, Крапивина, 2007,

с. 55-56; Былкова, 2007, с. 8-9]. На основе интерпретации новых и пересмотре полученных прежде данных было возобновлено обращение к проблемам позднескифской культуры на Нижнем Днепре, представления о которой [Степи..., 1989, с.51-53, 140-145] казались устоявшимися. Как и в Крыму, на первое место выдвинулись основополагающие проблемы, касающиеся сложения и сущности культуры. В последнее время эти новые взгляды нашли отражение в обобщающих работах, посвященных характеру и формированию позднескифской культуры Нижнего Днепра [Гаврилюк, Крапивина, 2005; Гаврилюк, Крапивина 2007; Былкова, 2007а; Былкова 2007; Гаврилюк, 2009]. Н.А. Гаврилюк и В.В. Крапивина развивают аргументацию в пользу гипотезы о переселении в кризисный период III в. до н.э. на Нижний Днепр населения ольвийской хоры из Нижнего Побужья [Отрешко, 1982, с. 43-44], предполагая более значительную роль греческого компонента в складывании культуры. По мнению автора этих строк, позднескифская культура на Нижнем Днепре изначально носила синкретичный характер, континуитет с предшествующим населением региона не прослеживается, что требует принципиально нового объяснения ее сложения [Былкова, 1999; 2000; 2007а].

Исключительно важное место при рассмотрении этих вопросов занимает определение хронологии. По существу, только для Нижнего Днепра продолжает использоваться концепция континуитета, т.е. даже в недавних работах повторяется традиционное мнение о том, что в III в. до н.э. продолжает существовать небольшое количество скифских поселений [Полин, 1992, с. 41] и именно на месте этих поселков происходит археологически фиксируемое возрождение оседлости в степи. «Таким образом, о полном исчезновении памятников оседлости в III в. до н.э. говорить не приходится: какая-то часть скифского населения продолжала жить в неукрепленных поселениях на правом берегу Днепра и в период эколого-экономического кризиса» [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 54, 57]. В последней работе предложена новая периодизация нижнеднепровских городищ постскифского времени, согласно которой первый период в жизни этого населения датируется второй половиной III – началом II вв. до н.э., на протяжении которого возникают неукрепленные поселения, впоследствии превращенные в городища [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 57, раздел 2.1]. Такая схема предполагает существование памятников с материалами времени более позднего, чем первая четверть III в. до н.э., когда заканчивают существование поселения и могильники скифской культуры в Нижнем Приднепровье. При этом Н.А. Гаврилюк и В.В. Крапивина не являются сторонниками традиционных взглядов на позднескифскую культуру как продолжение развития предшествующей скифской культуры, что отразилось и в применении терминологии [Гаврилюк, 2002; Гаврилюк, Крапивина, 2005]. Тем не менее, выделение первого периода в развитии позднескифской культуры в пределах второй половины III – начала II в. до н.э. и связывание этих памятников с предположительно сохранившимися во второй четверти столетия

поселениями скифской культуры все же подразумевает континуитет. Предлагаемая их характеристика как памятников эллинизации скифского населения [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 66] этому не противоречит.

В этой ситуации характеристика памятников III в. до н.э. приобретает принципиальное значение в решении основополагающих проблем формирования позднескифской культуры на Нижнем Днепре. Специального разбора требует аргументация, приведенная в рассматриваемой выше статье [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 57]. Авторы выделяют материалы четырех памятников, которые содержат объекты первого периода (в пределах второй половины III – начала II вв. до н.э.): Золотая Балка, Знаменское, Гавриловское и Анновское городища. Анновское городище раскапывалось в 1980-е гг., а три других памятника исследовались в 1950-е гг. и соответственно используются датировки авторов раскопок М.И. Вязьмитиной и Н.Н. Погребовой. С целью проверки и уточнения хронологии, предложенной в этих работах, представляется целесообразным вновь обратиться к этому материалу, учитывая современные научные представления. Этих проблем автору уже приходилось касаться ранее [Былкова, 1999; 2002; 2007а; Bylkova, 2005], тем не менее, возвращение к вопросам хронологии в данном случае является принципиально важным. В связи с актуальностью уточнения хронологии, на которой «завязано» решение проблем формирования позднескифской культуры, обратимся к материалам, отнесенным к первому периоду с датировкой второй половиной III – началом II в. до н.э. [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 57]. В рассматриваемой статье продолжение существования небольших поселений в местах переправ и в местах торговых контактов с греками во второй четверти III в. до н.э. анализом конкретного материала в указанной статье не сопровождается, поскольку это традиционная точка зрения. Разрабатывая вопросы хронологии скифских погребальных памятников Северного Причерноморья, С.В. Полин обратил внимание на то, что ни на одном из поселений или городищ Нижнего Днепра не зафиксирован слой или какие-либо объекты III – начала II в. до н.э. Присутствие же античного импорта этого времени им было отмечено, поскольку некритически использовались данные свода Н.А. Онайко [Полин, 1992, с. 41]. Эти материалы нами пересматривались [Былкова, 1999; 2002; 2007], амфоры в современной системе дат не выходят за рамки IV – первой четверти III в. до н.э. Типы будут указаны ниже, поскольку использованы материалы с указанных выше памятников и аналогичные им. Единственным исключением является случайная находка синопского клейма Клеоника сына Мения [Онайко, 1970, с. 91, № 87] подгруппы V E, датирующегося в поздней системе дат началом II в. до н.э. [Conovici, 1998, p. 37-38], а в ранней - 260-ми гг. до н.э. [Федосеев, 1994, с. 189]. Общая дата III-II вв. до н.э. предложена Н.А. Онайко для фрагментов сосудов с лаком «плохого качества», сосудов «в технике гнация», под которой подразумевался накладной орнамент, а не Gnathia в собственном смысле слова [Green, 2001], светлоглиняных лагиносов и мегарских чаш. О конкретных материалах речь пойдет ниже.

Обратимся непосредственно к памятникам первого периода.

Золотая Балка. К первому периоду отнесены глинобитные постройки, возведенные ранее оборонительных стен, а также отмечаются датирующие материалы эллинистического периода. Выделены ранние помещения №53, 54, 55, расположенные стратиграфически ниже уровня основания оборонительной стены. Сама автор раскопок М.И. Вязьмитина отнесла их к раннему этапу застройки, который датировала II-I вв. до н.э. [Вязьмитина, 1962, с. 112-113]. Что же касается конкретных материалов, то среди них хроноиндикаторы трех последних четвертей III в. до н.э. не выделяются. Автор раскопок действительно указала на то, что отдельные материалы датируются концом IV-III вв. до н.э., связав их присутствие с существованием здесь селища или сезонной скифской стоянки [Вязьмитина, 1962, с. 112, 146-150, 156 – рис. 71, 1-7]. Последнее предположение резонно при корректировании даты этой стоянки/селища, поскольку в современной системе дат эти материалы остаются в пределах IV – первой четверти III в. до н.э. На памятнике представлен распространенный набор амфор IV в. до н.э.: Хиос [Lawall, 2005, p. 43, fig. 3c], Боспор (по атрибуции И.Б. Зеест), Фасос, Гераклея, Менда, Синопа, типы Солохи [Монахов, 1999, с. 356, табл. 155, с. 419-423]. В 1950-х – 1960-х гг. к III в. до н.э. относили фасосские амфоры развитой биконической серии, которые получили распространение во второй-третьей четвертях IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 67-69]. Косские амфоры относятся в типу вытянутых сигарообразных II в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 571], часть амфор, отнесенных к косским, впоследствии была атрибутирована иначе и получила более позднюю дату [Шукин, 1970, с. 57]. III-II вв. до н.э. были продатированы три клейма [Вязьмитина, 1962, с. 148, рис. 69, 1-3, с. 72, с. 155, 157]. Синопское клеймо Зопириона¹ относится к III хронологической группе и даже в самой поздней современной системе дат не выходит за пределы IV в. до н.э. [Covicci, 1998, p. 38], а в ранней хронологии относится приблизительно к середине последней четверти IV в. до н.э. [Федосеев, 1994, с. 189]. Круглые колесовидные клейма в то время относили к фасосскому клейменю, в настоящее время установлена их принадлежность к производству Аканфа второй половины IV в. до н.э. [Амперер, Гарлан, 1992, с. 18-19]. Третьей находкой является косское клеймо с именем Деметрия. Клейма этого центра, как правило, не могут служить основанием для узкой датировки [Lawall, 2005, p. 32-33]. Можно отметить, что аналогичное клеймо было найдено в закрытом комплексе на ольвийской агоре, родосские клейма из которого в первой публикации были отнесены к концу III-II вв. до н.э., а для самого косского клейма предложена только широкая дата III-II вв. до н.э. [Леви, 1964, с. 230, 239]. Применяя современную систему хронологии родосских клейм [Finkielstein, 2001], все эпонимные клейма, найденные в этом водоеме, следует отнести к III группе, из них только одно относится к подгруппе IIIb с датой

¹ Благодарю Н.Ф. Федосеева и В.И. Каца за консультации в чтении и датировании клейм.

прибл. 185 г. до н.э., а остальные принадлежат подгруппам IIIc-IIIe с в рамках 181/179 – 161 гг. до н.э.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в скифское время здесь могло существовать селище (имеются синхронные материалы и в сборках А.В. Бодянского), но жизнь в III – начале II вв. до н.э. археологическими данными не подтверждается.

Для *Знаменского городища* использованы данные Н.Н. Погребовой об обнаружении ранней постройки и присутствии ранних керамических материалов [Погребова, 1958, с. 118, 122]. Нами были обработаны полевая документация и коллекции этих раскопок, хранящиеся в музее МГУ.² Анализ хроноиндикаторов из этой коллекции уже предлагался [Былькова, 2007а, с. 92-94], но в данном случае целесообразно затронуть эту тему вновь. Ранняя постройка представляет собой развал каменного здания из смежных раскопов VI (1952 г.) и XVII (1954 г.) Его основание находится на поверхности нижнего слоя, который датируется, по мнению автора раскопок, III в. до н.э. по находке фасосского клейма и других обломков синхронных амфор [Погребова, 1958, с. 121-122]. Эти находки действительно синхронны, но относятся к IV в. до н.э. Клеймо хранится в музее под № 19, оно практически стерто, поэтому в публикации указана только эмблема [Погребова, 1958, с. 142]. Это – раннее клеймо прямоугольной формы с эмблемой и надписью по периметру, т.е. тип IV в. до н.э. Фрагменты ранних амфор [Погребова, 1958, с. 142-144, рис.19, 1-8, 11] представляют собой обычный набор IV в. до н.э.: большинство составляют рюмкообразные ножки амфор Менды/Халкидики первых трех четвертей IV в. до н.э. [Paradouroulos, Paspalas, 1999; Монахов, 1999, с. 422, 529], значительное количество составляют фрагменты фасосских биконических амфор, представлены так называемые «боспорские» амфоры, имеются фрагменты гераклейских амфор IV – первой четверти III в. до н.э. с соответствующими клеймами (самым поздним является клеймо Этюма поздней фабрикантской группы, для которой предлагается датировка концом IV – первой четвертью III в. до н.э.) [Кас, 2003, р. 270-271, 277]. Вносили неясность клейма Херсонеса, для которых прежде предлагались завышенные даты по Р.Б. Ахмерову (конец III в. до н.э.) [Погребова, 1958, с. 144, 146]. Магистраты Аполлонид и Котюттион, представленные на этих клеймах, согласно хронологии В.И. Каца, входят в ранние группы – 1 и 2А соответственно, с датировкой концом IV – 280-ми гг. до н.э. [Кац, 1994]. Родосское эпонимное клеймо Архемброта I было широко продатировано III-II вв. до н.э., оно входит в V группу и датируется прибл. 134-133 гг. до н.э. [Finkielsztejn, 2001, р. 165, 195, tabl. 16, 21]. Косские клейма Василида и Адея, отнесенные к III в. до н.э. [Погребова, 1958, с. 145, рис. 20, 3, 5], имеют аналогии в памятниках II в. до н.э.

² Выражаю благодарность В.С. Житищеву за предоставленную возможность ознакомиться с этими материалами.

и начала I в. до н.э. соответственно [Зайцев, Пуздровский, 1994, рис. 8, 10; Grace, Savvatiānou-Petropoulakou, 1970, p. 364, № E 236].

Наряду с чернолаковой керамикой IV в. до н.э., отмечены фрагмент чернолакового сосуда с накладным орнаментом, выполненным белой краской, он обозначен как сосуд в технике «гнация», а также фрагмент расписного ионийского сосуда «в стиле Гадра», для них предложена датировка III-II вв. до н.э., которая относится к обеим группам в целом [Погребова, 1958, с. 121, 148]. Сузить дату этих небольших фрагментов затруднительно, но датировка подобных сосудов возможна и II-I вв. до н.э. В большом количестве на Знаменском, в сравнении с другими нижнеднепровскими городищами, представлены рельефные чаши и именно они, в первую очередь, не позволяли сомневаться в наличии слоя и объектов III-II вв. до н.э. Сама Н.Н. Погребова большую часть «мегарских чаш» продатировала II в. до н.э. [Погребова, 1958, с. 148]. В коллекции МГУ хранится около 50 фрагментов «мегарских чашек», имеются археологически целые экземпляры, почти все они принадлежат к ионийской группе. В настоящее время датировка самих чаш и их использования в Северном Причерноморье идет в направлении повышения. В Неаполе фрагменты «мегарских чаш» представлены только в горизонтах E и F II в. до н.э. и совмещаются с родосскими клеймами от 175 г. до н.э. [Зайцев 2003, с.14-15, с.21 – табл. 2]. В Беляусском могильнике они представлены в погребениях II в. до н.э. [Пуздровский, 2007, с. 79]. Отмечено также, что чаши с изображением эротов на двуконных колесницах [Погребова, 1958, с. 149, рис. 21, 4] находят обычно в слоях II в. до н.э. [Самойлова, 1984, с. 121]. С.А. Коваленко относит подавляющую часть обломков чаш ионийского производства с городища Кара-Тобе ко второй половине II в. до н.э. Среди них встречены экземпляры с придонной частью, украшенной напользающими друг на друга небольшими листиками – несколько таких фрагментов присутствуют в коллекции Знаменского городища [Погребова, 1958, рис. 9, 7; Внуков, Коваленко, 1998, с. 68-69, рис. 5, 2]. Предложенная С.А. Коваленко схема эволюции мотивов орнамента позволяет соотнести типы оформления элементов чаш со Знаменского городища с серединой – третьей четвертью II в. до н.э. [Коваленко, 1989, с. 469, рис. 39, с. 429, рис. 1, № 56, 121].

Подводя итог, следует заметить, что Знаменское городище выделяется довольно значительным количеством артефактов, датирующихся II в. до н.э., но материалов с достоверной датой III – началом II вв. до н.э. нет.

На *Гавриловском городище* обращено внимание на фрагменты очагов, датируемых периодом эллинизма. Н.Н. Погребова так описывает стратиграфию: средний основной слой, датирующийся обломками амфор I в. до н.э. – I в. н.э., подстилается нижним слоем, где находок становится меньше и встречается греческая керамика IV-III вв. до н.э. – строительных остатков в нем нет, за исключением разрушенных каменных очагов в раскопе III. Эти очаги автор раскопок связала с нижним строительным периодом городища и датировала

его началом I в. до н.э. [Погребова, 1958, с. 183, 198]. «Эллинистическое время» как датировка материала выступает очень широко. Часто подразумевается обычный набор амфор IV в. до н.э.: Хиос, Менда/Халкидика, Фасос, Гераклея, Синопа и фрагменты синхронных чернолаковых сосудов, поскольку прежде для этих находок предлагалась дата IV-III вв. до н.э. [Погребова, 1958, с. 210, рис.44, 1-3, с. 215-216, рис. 46, 5-8]. В перечне керамических находок из ямы 5 раскопа IV упомянуты два фрагмента, которые, по мнению автора раскопок, предположительно можно датировать еще III в. до н.э., они принадлежат чернолаковому сосуду с белой росписью и буролаковому сосуду; при этом отмечено, что в этой яме найдены стандартные двуствольные ручки амфор I в. до н.э. – I в. н.э. [Погребова, 1958, с. 200]. Узкая датировка фрагментов сосудов затруднительна, обычно для такой керамики предлагается широкая дата III- II вв. до н.э., встречаются похожие сосуды и во II-I вв. до н.э. Следует заметить, что «росписью в стиле гнация» здесь называется любой накладной орнамент белой краской. В эту группу, к примеру, был включен сосуд малоазиатского производства с датировкой концом II – началом I в. до н.э. На Гавриловском городище не выделяются хроноиндикаторы III и II вв. до н.э., поэтому в данном случае, вероятно, имеет смысл учесть датировку основного материала из заполнения ямы.

Аиновское городище исследовалось в 1980-х гг., результаты опубликованы руководителями раскопок [Гаврилюк, Абикулова, 1991]. Автор предлагаемой статьи имел возможность ознакомиться также с коллекциями материала, хранящимися в фондах Херсонского краеведческого музея. К первому периоду здесь отнесена жилая постройка в так называемом предместье. Предлагается датировать ее концом III – началом II вв. до н.э. и предполагается ее разрушение в ходе нападения сарматов – в этом случае можно было бы ожидать отложения соответствующего раннего материала. На возможность корректирования даты уже указывалось [Bul'kova, 2005, p. 229-230; Былкова, 2007а, с. 95-96]. Узким хроноиндикатором указанного времени служит пара бронзовых серег с петелькой и крючком и проволоочной обкруткой по всей сережке [Гаврилюк, Абикулова, 1991, ч.1, с.8, 22, 46 - рис. 18,5]. Следует заметить, что сережки этого типа встречаются в памятниках позднескифской культуры Крыма, они распространены в I в. н.э. и даже в более позднее время, аналогии представлены в Беляусском могильнике [Дашевская 1991, с.37-38, табл. 67, 10] и в погребении 11 первой половины I в. н.э. могильника Кара-Тобе [Внуков, Лагутин, 2001, с.110-111, рис.15, 12, с. 119]. Из других артефактов конца III – начала II вв. до н.э. было выделено херсонесское клеймо. При этом применялась схема В.В. Борисовой и само клеймо оказалось прочитанным неверно [Гаврилюк, Абикулова, 1991, ч. 1, с. 22, рис.19, 1]. По мнению Н.Ф. Федосеева, единственным возможным восстановлением является имя астинома Бафилла I хронологической группы, в этом случае клеймо датируется последней четвертью IV в. до н.э. [Кац, 1994,

с. 91, №42]. В указанной статье предлагается в качестве аргумента амфорная статистика – 22% составляют находки эллинистических амфор, но это определение не равнозначно дате конец III – начало II вв. до н.э. В коллекции там присутствуют и распространенные в IV в. до н.э. амфорные материалы, и находки II-I вв. до н.э. Материала, убедительно датирующегося концом III – первой половиной II вв. до н.э., на Анновском городище выделено не было.

К аргументам, изложенным в рассматриваемой статье [Гаврилюк, Крапивина, 2007], можно добавить предложенные В.М. Зубарем датировки его раскопов на *Любимовском городище* [Зубар, Храпунов, 1989]. Было высказано предположение, что находки нескольких фрагментов эллинистической керамики могут указывать на время основания поселения – III-II вв. до н.э. [Зубар, Храпунов, 1989, с. 133-134]. Знакомство с коллекцией, хранящейся в фондах Херсонского краеведческого музея под № 6299, показало, что эта дата может быть пересмотрена. Выделен был фрагмент высокой ножки фасосской биконической амфоры с датой IV-III вв. до н.э. [Зубар, Храпунов, 1989, с. 132, рис. 1, 7], эта находка под № 6299/209, как уже отмечалось выше, относится к IV в. до н.э. Фрагменты чернолаковой керамики принадлежат поздним сосудам малоазиатского производства, они изготовлены из глины сероватого оттенка и покрыты редким жидким лаком. Ножка канфара №6229/338 близка по форме сосуду из Беляусского могильника, датирующегося второй половиной II в. до н.э. [Дашевская, 1991, с. 109, табл.53, 10; Пузровский, 2007, с. 79, с. 289, рис. 16, 1, 6]. Предметы, которые могли бы быть отнесены к III – первой половине II в. до н.э., в коллекции отсутствуют.

В результате проведенного анализа можно видеть, что достаточное археологическое обоснование для выделения первого периода в существовании позднескифских памятников на Нижнем Днепре, датирующегося второй половиной III - началом II вв. до н.э., отсутствует. Это относится также и к представлению о продолжении жизни на единичных памятниках во второй четверти III в. до н.э. Представляется более вероятным, что возобновление оседлой жизни на территории Нижнего Поднепровья происходило не ранее II в. до н.э., возможно, ближе к его середине. Во время относительной стабилизации в Северном Причерноморье, которая по-разному проявлялась в разных регионах Причерноморья, т. е., во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. [Виноградов, 1999, с. 66], постоянного населения в Нижнем Поднепровье еще не было. Ю.А. Виноградов учел тенденцию к повышению даты позднескифской культуры и обратил внимание на то, что оседлая жизнь на Нижнем Днепре развивается несколько позднее, чем в Крыму, что вписывается в его объяснение ситуации «запустения степей» в III в. до н.э. [Виноградов, 1999, с. 80-81].

Все вышеизложенное подразумевает необходимость нового объяснения формирования позднескифской культуры на Нижнем Днепре, т.е., для Нижнеднепровской Скифии актуальными являются те же проблемы, что и для Малой Скифии в Крыму. Единства взглядов в этом не наблюдается, что в

определенной степени связано с использованием «длинной» или «короткой» хронологии и соответственно признания или непризнания прямого континуитета. «Короткая» хронология требует нового объяснения появления позднескифской культуры в Поднепровье, поскольку ни из развития скифской культуры, ни из переселения ольвийского населения в период редукции хоры ее в этом случае вывести нельзя. Выделение компонентов синкретичной позднескифской культуры принципиальных разногласий у исследователей не вызывает. Предметом дискуссии является соотношение этих компонентов и их доминирование на различных этапах существования культуры. Сторонники «длинной хронологии» предполагают постепенное наложение разных субстратов непосредственно на территории Нижнего Днепра, где всегда теплилась какая-то жизнь. «Короткая» хронология, большие различия между скифской и позднескифской культурами, а также изначальное присутствие всех компонентов синкретичной позднескифской культуры на городищах Нижнего Днепра вызывают необходимость другого объяснения [Былкова, 2007a]. Нам представляется, что культура могла сформироваться на иной территории и в единстве ее основных составных быть перемещенной в Нижнее Поднепровье, там она испытала дополнительное воздействие со стороны населения Ольвии, а затем, в небольшой степени, влияние сарматов [Былкова, 1999; 2007a; 2007]. А.Н. Щеглов предполагал возможность переселения в Крым оседлого земледельческого населения, ставшего основой позднескифской культуры этого региона [Щеглов, 1998]. Следует учесть концепцию М.Е. Ткачука, который определил облик культуры нижнеднепровских городищ как «затейливое переплетение утерянных гетских керамических и архитектурных традиций с традициями скифской культуры и элементами каких-то латенизированных культурных групп» и предположил, что «скиры и галаты не только сдвинули в восточном направлении ареал Пруто-Днестровской Гетики, но и возглавили это продвижение в Нижнее Поднепровье и Крым и в результате именно такого развития событий могла сложиться столь синкретичная и типологически неустойчивая гето-латено-скифская культура нижнеднепровских городищ» [Ткачук, 1999, с. 297-298]. С.И. Андрух отмечала продвижение фракийцев на восток в III-II вв., включая территорию распространения памятников позднескифской культуры [Андрух, 2000, с. 72]. Обращается внимание на то, что фракийские материалы присутствуют на позднескифских городищах Нижнего Днепра в самых ранних объектах [Былкова, 2004; Гаврилюк, 2009].

«Короткая» хронология, предполагающая отсутствие континуитета в развитии культур Нижнего Поднепровья на протяжении скифского и позднескифского времени, позволяют высказать мнение о том, что уход скифов в Добруджу в III в. до н.э. и формирование там смешанной культуры имел продолжением дальнейшее перемещение последней на Нижний Днепр. Отмечено, что в Добрудже на начальном этапе скифская и гетская культуры разделялись, а к моменту исчезновения Малой Скифии на этой территории

происходит полная ассимиляция гетами скифов и, возможно, других народов, попадавших в их среду (бастарнов, греков) [Андрух 1995, с. 116]. Это может объяснить изначальный сплав основных компонентов позднескифской культуры, фиксирующийся на городищах Нижнего Днепра.

Уточнение времени существования памятников, отказ от обязательного III в. до н.э. в Нижнем Поднепровье позволяет сделать попытку совместить гипотезы разных исследователей относительно характера позднескифской культуры рассматриваемого региона. Это объясняет отсутствие в позднескифской культуре явно выраженных скифских элементов, которые должны были бы проявиться ярче при наличии континуитета. Становится понятным изначально выраженный синкретизм культуры и большое количество фракийских черт. Греческое влияние осуществлялось еще в Добрудже, но на Нижнем Днестре оно проявилось дополнительно со стороны Ольвии. «Короткая» хронология находится в противоречии с гипотезой В.М. Отрешко [1982] о перемещении населения ольвийской хоры в период ее сокращения на Нижний Днепр, но в I в. до н.э. определенная эллинизация населения позднескифских городищ ольвиополитами несомненно могла осуществляться [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 63-64]. Вписывается в эту историческую ситуацию и надпись в честь Аргота, датирующаяся в настоящее время не ранее 133-130 гг. до н.э. [Зайцев, 2003, с. 152]. Фракийцами, против которых воевал Аргот, в этом случае могли быть названы первоначальные обитатели позднескифских городищ Нижнего Днепра.

В рамках одной статьи не предполагалось рассмотрение и даже постановка всех проблем, но уточнение хронологии представляется принципиальным, что позволит в дальнейшем продолжить рассмотрение актуальных вопросов возникновения и развития позднескифской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. – Саратов, 1992.
- Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (Этно-политический аспект). – Запорожье, 1995.
- Андрух С.И. «...Смешанные с фракийцами скифы» (Apol. Rhod. IV. 320) // ВДИ. – 2000. - № 3.
- Былкова В.П. Гетская керамика с поселений на Нижнем Днестре // Thracians and circumpontic world. Part II. – Chisinau, 2004.
- Былкова В.П. К вопросу о населении Нижнего Поднепровья в III-II вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - III. – Запорожье, 1999.
- Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). – Херсон, 2007.
- Былкова В.П. О хронологии и культуре позднескифских городищ Нижнего Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – Тирасполь, 2002.
- Былкова В.П. Позднескифские городища Нижнего Днепра: проблемы хронологии и атрибуции // Tyragetia. - 2007a. - S.n. - Vol. I [XVI], nr. 1.

- Былькова В.П.* Поселения на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинических отношений (рубеж V-IV вв. до н.э. – III в. н.э.) // Археологические вести. – № 7. – СПб., 2000.
- Былькова В.П.* Поселения Нижнего Днепра в IV в. до н.э. – III в. н.э.: Дисс. канд. ист. наук. – К., 1999 / НА ИА НАНУ. – Ф. 12 № 801.
- Виноградов Ю.А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н.э. // *Nuretboreus*. – 1999. – Vol. 5. – Fasc. 1.
- Внуков С.Ю., Коваленко С.А.* Мегарские чаши с городища Кара-Тобе. // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. – М., 1998.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. // Поздние скифы Крыма. – М., 2001.
- Вязьмитина М.И.* Золота Балка. – К., 1962.
- Гаврилюк Н.О.* Охоронні роботи на постскифських городищах Нижнього Подніпров'я // Археологічна збірка. № 2. – Херсон, 2002.
- Гаврилюк Н.А.* Фракийцы в Нижнем Поднепровье (по материалам Золотобалковского поселения) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И.* Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Ч. 1-2. – К., 1991.
- Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В.* Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. // Боспорские чтения. VI. – Керчь, 2005.
- Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В.* Постскифские городища Нижнего Поднепровья и Ольвия // Древности Северного Причерноморья в античное время. // МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 4. – Симферополь, 2007.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. САИ. – Вып. Д1-7. – М., 1991.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). – Симферополь, 2003.
- Зайцев Ю.П.* Скилур и его царство. (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. – 1999. – № 2.
- Зайцев Ю.П.* Хронология Неаполя скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. V. – Запорожье, 1995.
- Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е.* Неаполь Скифский в эпоху диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. – К., 1994.
- Зубар В.М., Литвінова Л.В.* Роботи експедиції «Славутич» у 1978 р. // Археологія. – 1982. – № 38.
- Зубар В.М., Храпунов М.* Нові дослідження Любимівського городища // Археологія. – 1989. – № 4.
- Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. – Саратов, 1994.
- Коваленко С.А.* Античная рельефная керамика III-I вв. до н.э. в Северном Причерноморье: Дисс. канд. ист. наук. – М., 1989 / ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии. Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). – Симферополь, 2004.
- Леви Е.И.* Керамический комплекс III-II вв. до н.э. из раскопок ольвийской агоры // Ольвия. Теменос и агора. – М.-Л., 1964.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н.э. – Саратов, 1999.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология: Каталог-определитель. – М. – Саратов, 2003.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. – САИ. – Вып. – Д1-27. – 1970.
- Отрешко В.М.* З історії Ольвійського поліса в IV-I ст. до н.е. // Археологія. – 1982. – № 41.
- Погребова Н.Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА № 64, 1958.
- Полли С.В.* От Скифии к Сарматии. – К., 1992.

- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007.
- Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. – 1999. – № 4.
- Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ХС. – 1999а. – Вып. X.
- Самойлова Т.Л. Рельефная керамика эллинистического времени из раскопок Тиры // Северное Причерноморье. – К., 1984.
- Стети европейской части СССР в скифо-сарматское время / АН СССР. Институт археологии. – М., 1989.
- Ткачук М.Е. Гетика, которую мы потеряли. (Из антологии хронологических разрывов) // Stratum plus. – 1999. – № 3.
- Федосеев Н. Ф. Хронология синопских магистратских клейм // Тез. докл. межд. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». – II. – Запорожье, 1994.
- Щеглов А.Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. – Вып. 4. – СПб., 1998.
- Шукин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. – 12. – 1970.
- Bylkova V.P. The Chronology of Settlements in the Lower Dnieper Region (400-100 BC) // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 BC. – Black Sea Studies. – 3. – Aarhus, 2005.
- Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope. Histria. Les resultants des fouilles. VIII. – Bucarest-Paris, 1998.
- Finkielstein G. Chronologie detailee et revise des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 a 108 av. J.-C. environ: Premier bilan (BAR International Series). – Oxford, 2001.
- Grace V.R., Savvatiadou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // Exploration Archeologique de Delos. – XXVIII. – 1970.
- Green J.R. Gnathia and Other Overpainted Wares of Italy and Sicily: A Survey // Ceramiques Hellenistiques et Romaines. – III. – 2001.
- Кас В.И. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. – Black Sea Studies. – 1. – Aarhus, 2003.
- Lawall M. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology and Pnyx III // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 BC. – Black Sea Studies. – 3. – Aarhus, 2005.
- Papadopoulou J.K., Paspalas S.A. Mendaian as Chalkidian Wine // Hesperia. – 1999. – 68/2.

В.П. Билкова

ДО ПРОБЛЕМИ ВИНИКНЕННЯ ПІЗНЬОСКІФСЬКОЇ КУЛЬТУРИ НА НИЖНЬОМУ ДНІПРІ

Резюме

Сучасні дослідження пізньоскіфської культури Криму та Нижнього Дніпра демонструють відхід від традиційних поглядів, тому знов стають актуальними проблеми походження культури, загальної археологічної характеристики, хронології, еллінізації та ін. Особливого значення у вивченні пізньоскіфської культури Нижнього Дніпра набувають питання хронології, яка значною мірою слугує базою визначення її походження. Дослідники до сьогодні датують деякі пам'ятки регіону III ст. до н.е., спираючись на датування 1950-х рр. В статті розглядаються конкретні археологічні матеріали з пізньоскіфських городищ Нижнього Дніпра, які використовувалися як хроноіндикатори. Визначення дат змінює хронологічні позиції, що вимагає нового підходу до проблеми виникнення пізньоскіфської культури на Нижньому Дніпрі.

В.П. Былкова

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Резюме

В исследовании позднескифской культуры Крыма и Нижнего Днепра наблюдается отход от традиционных взглядов, вновь обрели актуальность и дискуссионность проблемы происхождения культуры, ее археологической характеристики, хронологии, степени эллинизации и др. В изучении позднескифской культуры Нижнего Поднепровья особое значение имеет установление хронологии, поскольку на ней в значительной степени базируется определение ее происхождения. Исследователи до сих пор считают возможным датировать некоторые памятники этого региона III в. до н.э., поэтому представляется необходимым рассмотреть в предлагаемой статье конкретные материалы и обосновать их даты. В результате хронологические позиции изменяются, что влечет за собой необходимость нового объяснения возникновения позднескифской культуры на Нижнем Днепре.

V.P. Bylkova

BEGINNINGS OF LATE SCYTHIAN CULTURE IN THE LOWER DNEIPEER REGION

Summary

Modern studies of Late Scythian culture in the Crimea and in the Lower Dnieper region demonstrate the changes of traditional views. Problems of origin, chronology, archaeological characteristics, hellenization etc. are now topical and debatable. Concerning the Late Scythian culture in the Lower Dnieper region one can indicate an importance of determination in chronology as a base of speculations on problems of beginnings of this culture. Till now the scholars admit dates of 1950s and consider some settlements to be dated to the 3rd century BC. In this article the chronological indicators have been analyzed with correction of dates. As a result a chronological position is changed and new ideas for beginnings of Late Scythian culture in the Lower Dnieper region are proposed.